

АЛЕКСЕЙ
ВЕНЕДИКТОВ

ИСПОВЕДЬ
МАХРОВОГО РЕАКЦИОНЕРА

Алексей Алексеевич Венедиктов
Исповедь махрового реакционера
Серия «Политические тайны XXI века»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18117830
Исповедь махрового реакционера: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0515-3

Аннотация

Алексей Венедиктов – российский журналист, главный редактор, совладелец и ведущий передач радиостанции «Эхо Москвы», – известен своими острыми и глубокими интервью и статьями о положении дел в современной России. Свое политическое кредо он обозначает как «махровый реакционер», чьими идеалами в политике «являются Рейган и Тэтчер, а отнюдь не либералы». «Я гораздо правее, чем Владимир Владимирович Путин», – говорит о себе Алексей Венедиктов.

В книге, представленной вашему вниманию, собраны лучшие материалы А. А. Венедиктова за последние годы. Вертикаль власти Путина, судебная и полицейская система в России, экономические реформы в нашей стране, положение народа, состояние культуры, особенности оппозиционного движения, – все это рассматривается автором с позиций «романтического консерватизма».

Содержание

Вместо предисловия. Я махровый реакционер	5
Год Путина в третьем сроке	8
Идет изощренная политическая борьба	24
«Газпром» проспал сланцевую революцию?	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алексей Венедиктов

Исповедь махрового реакционера

© Венедиктов А. А., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Вместо предисловия. Я махровый реакционер (Интервью А. А. Венедиктова для сайта Известия. ru)

– Вы главный редактор «Эха Москвы» уже 10 лет, и понятно, что за это время радиостанция сильно изменилась. Но в чем принципиальное отличие сегодняшнего «Эха» от радиостанции 10-летней давности?

– Напомню, что когда я стал главным редактором, до этого 2 года у «Эха» не было главного редактора: Сергей Корзун ушел в 1996 году на телевидение делать новый проект. Мы тогда не стали избирать нового главного редактора, потому что думали, что это у Сережи блажь и что он вернется. Мы два года держали позицию без главного редактора – было два первых заместителя: Сергей Бунтман по программам и я по информации. В результате рейтинги упали до 2 %. Это было очевидно, когда нет единой кадровой политики и когда каждый тащит одеяло на себя: я на информацию, а Сережа на программы. И в 1998 году у Бунтмана сдали нервы. Он сказал: «Хватит, я тебя выдвигаю, давай проводить собрание!»

– *Победила информация.*

– Да, и это важно, потому что в 1998 году мы как раз строили радио формата news-and-talk. То есть мы начали еще при Корзуне, но к 1998 году достроились до того, что новости шли в эфире каждые 15 минут. Это то, на что сейчас через 10 лет вышли «Сити FM», «Вести FM». Это было еще до того, как в нашу жизнь активно ввалились Интернет, кабельное и спутниковое телевидение. Года 2–3 тому назад мы поняли, что радио и вообще электронные масс-медиа проигрывают в скорости и в объеме Интернету. Появились наладонники, в которых вы можете в любую секунду посмотреть новости. Интернетовский информационный поток стал нас накрывать. И никакое электронное средство массовой информации сейчас не может сравниться по скорости, по точности и объему с интернетом.

Тогда мы поняли, что нужно менять формат радио. Было несколько бурных совещаний с хлопаньем дверями, разрыванием рубашек на себе и друг на друге. Выпито было много. Мы поняли, что поскольку меняется запрос аудитории – ей нужно от прессы учитывать ее мнения, – то нужно изменить формат на talk-and-news, то есть вперед выходит разговор. Мы стали разговорно-информационным радио. Притом, что мы стали строже относиться к отбору новостей, строже их обрабатывать. У нас появились разговорные дискуссионные программы, которые занимают большую часть эфира. Причем у нас разговаривают не Зюганов с Жириновским, хотя и это есть, а мы или наши гости разговаривают со слушателями. То, что называется неправильным словом «интерактив».

– *Я знаю, что вы придумали искать среди слушателей экспертов по тому или иному вопросу.*

– Мы создали Клуб привилегированных слушателей, структуру, при которой люди, зарегистрировавшись на нашем сайте, открывают свои подлинные фамилию, биографию, телефоны, адрес. В клубе сейчас 2000 человек, которые готовы экспертировать в эфире «Эха» то, что они знают. Более того, мы создали передачу, пока экспериментальную, которая называется «Народ против...», когда люди из этого клуба приходят и разговаривают с гостем: Немцовым, Вешняковым, который посол в Латвии, до этого был кто-то из министров, прямо в эфире.

Например, Борис Жуйков, который сейчас по полонии выступает на всех каналах, начал с того, что был слушателем «Эха Москвы» и членом клуба. Другие просто услышали, как он выступает, и стали его приглашать. И мы надеемся, что так будет и дальше.

Кроме создания элитарного клуба есть еще одна линия: когда что-то происходит, мы теперь не просто принимаем звонки. Скажем, у нас в связи с делом Алексаняна возникла

тема «врачи и больница». И мы в эфире просили тюремных врачей нам звонить. И нам звонили люди: один работал 15 лет во Владимире тюремным врачом, позвонил бывший заключенный, который болел туберкулезом, и рассказал, как его лечили. Где мы это еще возьмем? Это слушатель позвонил и рассказал о своем уникальном бесценном опыте!

Я был потрясен тем, что моим молодым ведущим (это был следующий шаг – снизить возраст ведущих) больше нравится говорить не с посланцем или министром, а с обыкновенными людьми, потому что они интереснее говорят, потому что не скованы рамками и не занимаются дипломатией. И это течение, которое у нас сейчас развивается, опирается на опыт и экспертную оценку наших слушателей.

В марте этого года мы запускаем новый сайт, где каждый посетитель, зарегистрировавшись, сможет комментировать каждую новость, каждую реплику, каждое голосование, каждое интервью. Мы превращаем в блог каждый материал на сайте. Это не только информационная площадка, но и место общения посетителей сайта.

– За «Эхом» закрепились репутация самой либеральной на сегодня радиостанции, которой все позволено. При этом либерализм, кажется, больше не в моде. Будете что-то менять?

– Есть либерализм в подходах и есть либерализм во взглядах. Либерализм в подходах означает, что площадка доступна всем, кроме фашистов. Большой либерал у нас Доренко, видимо, большой либерал у нас Проханов...

– Помню историю с Доренко, когда вы говорили, что «руки ему не подадите», а потом взяли его на «Эхо»...

– А я руки ему и не подаю, я ему зарплату плачу – это разные вещи... Большой либерал у нас Леонтьев, который на нашем радио имеет такую же рубрику, как на «Маяке». Либеральный подход заключается в том, что у нас свободная площадка.

Что касается взглядов – это совсем не так. Я – и все это знают – махровый реакционер, и в политике моими идеалами являются Рейган и Тэтчер, а отнюдь не либералы. Среди моих ведущих журналистов, например, Юлия Латынина, поклонница Рамзана Кадырова. Какой либерализм – он здесь не ночевал и не спал. Когда в этом кабинете Бунтман схватывается с Доренко или с Гананпольским по политическим взглядам – абсолютно разные позиции. Поэтому либеральность станции заключается в том, что все, кроме фашистов, имеют возможность высказаться, и я на этом стою.

Ну да, в моде бывают разные идеологии, но это модные истории. Чем «Эхо Москвы» не грешит, так это погоней за модой – мы идем впереди. Это тоже не всегда удобно. Костяк радиостанции – это люди, которые здесь работают 15 лет, и нас убедить в том, что все, что мы делали до сих пор, неправильно, невозможно. Я, как меня тут назвал Сережа Караганов, «реакционный романтик» или «романтический реакционер». Да, я очень консервативен в понимании политики моей страны. Я гораздо правее, чем Владимир Владимирович Путин. Ну и что? Какое это имеет отношение к организации работы радио? Какое это имеет отношение к тому, чтобы не пускать сюда Киселева, Альбац или Проханова? Никакого.

Я держу супермаркет, и если лично я вегетарианец – это не значит, что в моем супермаркете не должны продаваться мясо или рыба.

– Что касается того, что вы идете впереди моды, то тут сложно спорить – я читала ваше интервью 2005 года, когда вы сказали, что преемником Путина станет Медведев. Как смогли просчитать?

– Это история школьного учителя – организованный мозг. Я очень этим горжусь. Как мне кажется, я представляю себе Путина, его психофизическое естество, я его понимаю. И как мне объясняют товарищи, это одна из причин, по которым «Эхо Москвы» не грохнуло. И с господином Медведевым вышло таким образом: я не сомневался, что Путин скорее уйдет, чем не уйдет с поста президента. А если он уходит – тогда кто? Я расстелил перед собой

возможных кандидатов. Конечно, мог быть и Иванов, и Якунин, и Грызлов, и Миронов. Но при прочих равных в этой конъюнктуре я посчитал, что это Медведев. Это чисто математический расчет, который мог быть ошибочным.

Я так же посчитал год назад, что Маккейн будет представлять на президентских выборах в США Республиканскую партию. Мне все говорили: да ты что! какой Маккейн! лузер он – твой Маккейн, не может этого быть! Так три года назад я посчитал Саркози.

Но я и ошибался, когда думал, что Берлускони выиграет выборы, – он немножко проиграл, но, тем не менее, проиграл. Важно отрешиться от своих пристрастий, когда ты наблюдаешь политический процесс. Есть тупой упрямый математический расчет: $2 \times 2 = 4$, и в этой системе координат оно все равно 4. И Дмитрий Медведев, перефразируя Владимира Ильича Ленина, это объективная реальность, данная нам в ощущении и независимая от нашего сознания.

– А зачем выборы главного редактора «Эха» на день президентских – 2 марта – назначили?

– Тут есть, конечно, элемент шутки, дразнилки и показывание длинного красного мокрого языка. Но, с другой стороны, у нас проблема – нам надо собрать журналистов. Все журналисты работают по разным сменам. Понятно, что 2 марта все журналисты на работе, не надо никого специально собирать в их свободный день для того, чтобы проводить эти выборы. А в 12 часов ночи сравнить свой процент с процентом будущего президента – это такой fun. Мы на «Эхе» живем весело.

– А что это за история с тендером на частоту?

– Мы за этот год не выиграли ни одной частоты у федеральной конкурсной комиссии. Неформально нам объясняют: предвыборный год, давайте потом. Но когда выигрывает станция неизвестная, а потом через короткий срок перепродается – это стыдная история. Эмоционально я могу об этом говорить, но политическую реальность я понимаю. Я отношусь к этому философски – мы в пятый раз подадим в Новосибирск, в 47-й раз подадим. Знаете, когда мы приглашали на радио господина Клинтона, когда он еще был президентом, мы его приглашали 8 раз – он пришел на 8-й. И это когда-нибудь случится.

2008 г.

Год Путина в третьем сроке **(интервью Алексея Венедиктова для программы** **«В кругу Тони» на радио «Эхо Москвы»)**

А. САМСОНОВА: Добрый вечер. Вы слушаете радиостанцию «Эхо Москвы», это программа, которая странным образом называется «В кругу Тони», я – Тоня Самсонова, и у меня в гостях главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов. Алексей Алексеевич, здравствуйте.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Добрый вечер.

А. САМСОНОВА: А давайте начнем с вопроса нашего слушателя, который пришел на сайт. «Эхо Москвы» ускоряет конец режима Путина или продлевает ему жизнь?

А. ВЕНЕДИКТОВ: «Эхо Москвы» документирует начало режима любого, течение режима любого и конец режима любого. Мы документируем.

А. САМСОНОВА: Ну и что в результате получается?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Каждый берет этот документ и пользуется его. Но это уже не наша проблема. Когда у тебя несколько миллионов слушателей и каждый из них воспринимает информацию по-разному... Там вот сегодняшняя дискуссия вокруг Героев труда – она же очевидно расколола общество. Кто-то считает, что это потому, что нужно повесить бирюльки и не дать денег, а кто-то считает, что это стимулирует труд. Голосование на «Эхо Москвы» показало 52 на 48 процентов людей. Вот так раскололось мнение наших слушателей. А мы задокументировали, что Путин ввел указом это награждение, наградил таких-то людей. Вот и вся история. Поэтому насчет ускорения или торможения – это в головах у людей, у каждого свое. Что для одного тормоз, для другого ускорение. Они путают рычаги.

А. САМСОНОВА: Мы в этой программе будем говорить на тему «Год Путина в третьем сроке», подводить итоги первого года. И учитывая вашу недавнюю встречу с Путиным, когда вы сравнили его режим и сказали, что легкие нотки 1937 года и сталинизма, – как объективное СМИ, которое только документирует режимы, могло бы существовать и может существовать, допустим, в 1937 году при сталинских нотках в правлении?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Конечно, не могло, потому что мы говорим только о нотках. Но мы говорим о том, что 13 лет тому назад пресса (если не брать интернет, а брать традиционную прессу) была много-много многообразнее. Была много-много разнообразнее. Представляла интересы разных слоев общества. Имела свою стратифицированную аудиторию, не делилась на «за Ельцина» и «против Ельцина». Было все гораздо сложнее. С приходом Владимира Путина эта картина стала более монотонной, я бы сказал так. Все телеканалы федеральные – они, естественно, управляются или менеджуются из одного центра. Этот центр – это Кремль. Поэтому разнообразие не допускается. Мы даже по новостям видим просто совпадения.

А. САМСОНОВА: А как Кремль менеджует «Эхо Москвы»?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Кремль менеджует «Эхо Москвы» через подобные встречи... Не подобные встречи, я имею в виду не публичные встречи, а через встречи не публичные. Так же, как другие главные редактора, я хожу на эти встречи, где мне и моим коллегам от Эрнста до не Эрнста пытаются объяснить мотивацию. Собственно, чего мы хотим узнать? Мы хотим узнать не что вы сделали (мы и так знаем, что вы сделали), а почему вы это сделали и какие последствия вы предусматриваете? Ну вот таким образом люди, как бы, пытаются нас убедить, завербовать, рассказать, растолковать. Вот так вот Кремль менеджует «Эхо Москвы», не считая того, что Кремль является нашим акционером прямым. И чего тут гово-

ритель? Ну, вот те люди, которые объявлены нашими акционерами, они не лезут в информационную политику.

А. САМСОНОВА: В предисловии к книге Елены Мицкевич, которая посвящена СМИ в России, – она только что вышла и не важно, да? – она пишет как общее место: «Ну, всем известно, что Венедиктов 6 мая 2012 года не дал сквозной эфир Болотной площади, а только в новостях об этом рассказывал, потому что если бы он поступил как “Коммерсантъ ФМ”, например, он бы за это поплатился».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, всем известно, 6 мая 2012 года меня не было в Москве. Вот.

А. САМСОНОВА: Как клево.

А. ВЕНЕДИКТОВ: У меня отметка в паспорте, у меня алиби, понимаешь?

А. САМСОНОВА: Какой вы умный.

А. ВЕНЕДИКТОВ: На самом деле, я вполне доверяю своим заместителям: Владимиру Варфоломееву, информационному волку, Сергею Бунтману, волку программному, – которые должны были сами принимать решения, насколько это важно. Мы, еще раз повторяю, мы – информационное, политическое радио, общественное, если угодно. И одно событие должно быть такое, какое, не дай бог. Когда начались...

Я же потом приехал, посмотрел, потому что 7 мая я был на инаугурации, со мной на эту тему разговаривали, естественно, как работало «Эхо Москвы». И с того момента, как начались столкновения, когда банальная, в общем, демонстрация, ну, к которым мы привыкли с декабря 2011 года... А с декабря 2011 года ни одного столкновения в Москве не было. На сотысячных митингах не было ни одного столкновения, ни одной битой морды, ни одного укушенного полицейского или ни одного задержанного демонстранта, я напому. Ну, не считая 31-е. Я имею в виду вот эти мощные митинги. Поэтому к 6 мая «Эхо» готовилось как обычно, как я понимаю.

Но когда начались столкновения с полицией, «Эхо» включило сквозной режим. Это неправда, что написано в этой книге. На сайте все есть. Слава богу, все сейчас документируется.

А. САМСОНОВА: Что должно произойти в стране, чтобы вы отстранились от позиции журналиста, редактора и занялись политикой, то есть сделали «Эхо» пропагандистским?

А. ВЕНЕДИКТОВ: В стране ничего не должно произойти, это должно быть мое желание сменить профессию. Просто сменить профессию.

А. САМСОНОВА: Такое возможно?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Вот когда у меня возникнет желание сменить профессию, я ее сменю.

А. САМСОНОВА: Если задержанные по Болотной, например, будут расстреливаться.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, мы будем об этом говорить. Моя задача...

А. САМСОНОВА: Но вы останетесь журналистом?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, ну, моя задача – рассказывать о том, что задержанные Болотные расстреливаются Путиным, что Путин сажает Навального. Моя задача – обеспечивать площадку, где об этом будут говорить. Иначе как вы узнаете, что их расстреливают?

А. САМСОНОВА: Вам жалко, что Болотная проиграла, а Путин выиграл?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Болотная не проиграла и Путин не выиграл. Я ведь действительно стою на позиции наблюдателя. Мне очень удобно. На самом деле, мне абсолютно удобно, потому что с кочки наблюдателя, который перемещается по периметру и смотрит под разными углами зрения... Я смотрю на это глазами Путина, я смотрю на это глазами Навального.

А. САМСОНОВА: Это публичная позиция.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет-нет-нет, это (НЕРАЗБОРЧИВО).

А. САМСОНОВА: Это публичная позиция. А человеческая позиция? Вот вы как гражданин России.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я не считаю, что она проиграла. Я считаю, что то, что случилось в декабре 2011 года, продолжает происходить. Вырастает гражданское общество. Это чрезвычайно позитивно. Оно корчится в судорогах, потому что вырастает оно в очень неблагоприятных условиях, когда власть, как правило, не желает с ним сотрудничать и его давит. Но оно вырастает. Здесь важнее не что власть давит, а что оно вырастает. Потому что если вы делаете шаг назад и посмотрите, что было в 2010 году, вы этого ничего не увидите. Вы не увидите волонтерских движений, которые уже были, но они были совершенно еле-еле зарождающимися. Вы не увидите вот этих массовых акций протеста. Более того, в Москве были запрещены антиправительственные митинги. И, собственно говоря, великая роль Лимонова и «Стратегии-31»... Я настаиваю на этом: это историческое событие. И Лимонову не надо от него отказываться: он проломил своим этим упрямством, упорством, иногда непонятным, возможность проводить митинги против правительства, против Путина в Москве. До этого их не было. Их не было. Оно стало. Оно стало публичным, об этом стали говорить, это стали показывать, в том числе и государственные каналы. Я не считаю, что это поражение. Сегодня и сейчас ничего не бывает. Всё – процесс.

Путин ничего не выиграл. У Путина была возможность... Вот, на мой взгляд, хотя его не разделяют ни в Кремле, ни... Где там у нас Навальный-то сидит? Еще нигде не сидит, да? Не, я имею в виду, где у него офис. Перед третьим сроком, насколько я знаю (я там, как бы, наблюдал это дело, естественно, наблюдая, общался), у Путина был выбор. Он понимал, что сохранить прежнюю страну после Медведева, ну, после этих событий (я имею в виду – после митингов) нельзя. Вот, прежнюю политику нельзя, невозможно. И здесь был выбор: идти по пути Горбачева или Андропова. Ну, это я упрощаю так же, как я упростил со сталинскими нотками, но, тем не менее, чтобы люди понимали.

А. САМСОНОВА: Но в реальности он кто?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Либо идти на реформу, в том числе политическую. Мы видели, как в декабре после митингов, скрипя зубами, хрустя суставами, – выборы губернаторов, регистрация политических партий. Это вот некое начало Горбачева. Я же помню 1987-й год, мы тоже не понимали, что это такое было. Но мы видели, что вот возможны новые партии. Где 6-я статья по КПСС? Нету. И так далее, и так далее. Вот, внутри этого Путин... Когда я говорю «Путин», я имею в виду «коллективный Путин», конечно, хотя, естественно, решающее слово принадлежало премьер-министру, а теперь президенту.

Он колебался, он не понимал, что эффективнее. В конечном итоге мне представляется, что под разными обстоятельствами, для него важными, он решил, что это просто разболтанность общества, что в стране существует масса угроз как внешних (подчеркну я), так и внутренних. И что прежде чем чего-то там реформировать, надо подкрутить гаечки. Вот, как Андропов.

Я вот читал доклады Андропова. Ты знаешь, там вот все было. Да, люди не работают, гуляют, прогуливают, нужно в кинотеатрах их отлавливать, заставлять работать. Ну, это то же самое, грубо говоря, только с применением там... А диссиденты – это, значит, западные, их надо сажать, там, в психиатрические больницы (я имею в виду андроповское время). Запад – враг, поэтому надо сбивать Боинг, потому что он шпионский с гражданским населением.

Это все вот такой выбор. Может быть, мне надо было сказать «андроповские нотки», но я бы тогда польстил Владимиру Владимировичу. Я, как бы, не хотел ему льстить, я задал тот вопрос, который меня волновал. Я совершенно не понимаю, почему я должен задавать вопрос, который волнует других. Если я там, то я задаю от себя.

Поэтому мне кажется, что он немножко помучился, ну, совсем немножко, месяца 2–3. 18 января уже, когда он уже мне отвечал на предложение организовать встречу с Лигой изби-

рателей... Это совсем не политическая схема. Я уже был послан публично, как вы помните, с этим. «А кто эти люди?» Да? И я думаю, что именно тогда, в конце января – начале февраля, перед выборами решение было принято на конфронтацию с этой, может быть, незначительной, но важной частью общества, ну, там, 20 %, 30 %. Вот это его решение. Дальше он идет по этой дороге, дальше логика идет по этой дороге. Вот его третий срок или четвертый, как мне пишут. Ну, какая разница, ребята? Ну, вы же понимаете, о чем мы говорим. С 2012 года, да? Пусть он будет четвертый, пусть он будет третий, пусть он будет легитимный, пусть он будет, как вы считаете, неконституционный (как некоторые считают). Не имеет значения. Мы сейчас говорим о том, какая политика ведется. Вот, наблюдая за этой политикой, я для себя сделал вывод, что эти гаечки – они закручиваются уже не формально, а сущностно, да? То есть психологически он уже пытается это оправдать (и мы это все слышали на прямой линии) какими-то очень простыми вещами, иногда даже подменяя понятия.

А. САМСОНОВА: Вы говорили на этой прямой линии... Вас представили как человека, которому предлагалось стать доверенным лицом Путина.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Который отказался. Ну, меня так представили представители ВГТРК, это правда, это не я говорил.

А. САМСОНОВА: А кто звонил? Кто предлагал?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да никто не звонил. Это было 20 главных редакторов, где Путин это сделал лицо в лицо 3 раза. И лучше бы у руководителя ВГТРК спросили, у своего начальника господина Добродеева, который при этом присутствовал. Спросили бы у Константина Эрнста, который при этом присутствовал, спросили еще у 20 главных редакторов, которые при этом присутствовали. У Дмитрия Пескова можно было спросить. В чем вопрос-то? Мы-то с Путиным знаем.

А. САМСОНОВА: То есть Путин лично вам сказал?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да. Но это рассказал не я. Я с закрытых встреч никогда ничего не говорю, как известно. На следующий день после этой встречи господин Сунгоркин, глава «Комсомольской правды», доверенное лицо Владимира Владимировича Путина, выступая в прямом эфире телекомпании «Дождь», сказал: «Чего вы за Венедиктова волнуетесь?». Посмотрите, на сайте все есть. «Чего вы волнуетесь? А вы знаете, что ему Путин предложил дважды, трижды?..»

А. САМСОНОВА: А расскажите этот диалог.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Какой?

А. САМСОНОВА: Вот, вы сидите на встрече с Путиным.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да не, ну это длинная история. Я, по-моему, ее уже рассказывал. Ну, сначала Владимир Владимирович сказал, что, значит, вот это радио поносом его поливает с утра до вечера. Он на нас за это не обижается. И когда камеры ушли, он сказал: «Ну, это все ладно, Алексей. А вы почему не ходите на выборы?». Я говорю: «Я не хожу на выборы, потому что я считаю, что главный редактор политического СМИ не должен ходить на выборы, чтобы такие вопросы не задавать». Он говорит «Ну и напрасно. А вы станьте моим доверенным лицом».

А. САМСОНОВА: А вы?

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я аж задохнулся, я говорю: «Да вы что, Владимир Владимирович, где я, а где ваши доверенные лица». Он говорит: «Вы что, мне не доверяете?». Я говорю: «Я этим выборам не доверяю». Он говорит: «А я вот вам доверяю. Станьте моим доверенным лицом».

А. САМСОНОВА: А вы?

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я взял паузу. В это время там Таня Лысова, главный редактор газеты «Ведомости», перехватила инициативу, дала мне возможность выдохнуть, потому что, на самом деле, ну, тебе президент предлагает. Слушайте, ну там все хотят стать его

доверенным... Вот, все, кто сидел за столом, хотели стать его доверенным лицом. А он предлагает человеку, которого только что обвинил в том, что, значит, вот его поносят.

И потом уже, когда люди ушли и мы остались втроем (там был Дмитрий Песков), я ему сказал эту известную фразу из «Трех мушкетеров». Я ее вспомнил, процитировал: «Знаете, Ваше Высокопреосвященство. Почему-то все мои друзья находятся на той стороне, а все мои враги по какой-то нелепой случайности находятся на вашей стороне». Тут он стал смеяться, услышав цитату знакомую. Я говорю: «И меня дурно приняли бы здесь, и на меня плохо бы посмотрели бы там, – говорю я. – Может быть, когда-нибудь я заслужу честь, Ваше Высокопреосвященство», – продолжал я. Он мне говорит: «У вас хорошая память». Я говорю: «На хорошие книги у меня всегда хорошая память». Он говорит: «Ну, подумайте-подумайте» – и ушел. Все.

А. САМСОНОВА: А Путин – враг?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Какой? Путин – президент.

А. САМСОНОВА: Вот, вы же сейчас цитату приводили.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, я же цитату привел. Какой он враг? Он – президент.

А. САМСОНОВА: То есть из цитаты не следует?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это я – враг, а он – президент.

А. САМСОНОВА: А вы – враг?

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я – враг. А он – президент.

А. САМСОНОВА: Вам какой Путин больше нравился? Образца 2000-го, 2004-го или 2012-го?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Что такое «нравился»? Его политика мне, конечно, вот если сейчас посмотреть назад, при всем том, что он там делал с НТВ, с Ходорковским и так далее, конечно, первая его каденция, первое его правление из тех 3-х, которые есть, мне нравилось больше. Мне казалось, что для страны оно гораздо полезнее, не взирая, повторяю, на... Полезнее, чем сейчас, потому что сейчас-то что? Сейчас репрессивный режим, реакционный.

А. САМСОНОВА: Нас пользователь Илья Липкис возвращает к теме нашей программы. Мы подводим итоги третьего срока Путина, первого его года. Что со знаком плюс сделал Путин, чего вы не ожидали от него?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я ничего от него не ожидал, потому что я его плохо знал. Ну, начало было конфронтационным, как все помнят, да? Это я ходил, реально я ходил от имени холдинга «Медиа-Мост», я ходил спасать НТВ и «Эхо Москвы». Одно удалось, другое нет. Удалось «Эхо», к счастью, не удалось НТВ, к сожалению.

Был недостаточно убедителен, и сейчас понимаю, что все можно было, как бы, попытаться сделать. Ну, ладно. Там не я один играл в это.

А. САМСОНОВА: Хорошее. Давайте за год хоть одно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, почему за год? Какой год?

А. САМСОНОВА: Вот, мы берем с инаугурации по сегодняшнее число.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А, этот год?

А. САМСОНОВА: Да, этот год.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Этот год? Я думал, за все время.

А. САМСОНОВА: Да. Самое хорошее, то, что не ожидали.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, я думаю, что какие-то вещи, наверное, все-таки, в экономике. Мне трудно сказать. Я здесь плохо понимаю, здесь вполне доверяю своим друзьям, которые этим занимаются. Я думаю, что там есть какие-то вещи. Ну, точно я могу сказать, что я их не понимаю. В этот год я считаю, что режим начинает мутировать в сторону реакционного. Поэтому все, даже если что-то есть хорошее, – наверное, что-нибудь есть хорошее (там, помилования какие-то были, да?), – оно все меркнет под трендом. А тренд негативный.

А. САМСОНОВА: А самое страшное что? Что было ключевым решением?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что политические процессы. Сам Путин же сказал, отвечая на вопрос про Сердюкова, что нам не нужны процессы с политической составляющей. Собственно, он мне кинул мячик в этом смысле. И мой смысл, смысл моей реплики был в том, что, что же, вы говорите, что нам не нужны процессы с политической составляющей, когда вот уже 3 примера есть-то точно – я имею в виду Pussy Riot, Навальный и дело Болотной 6 мая. Совершенно очевидно, что они содержат политическую составляющую. Это не только мне очевидно. Так говорят международные организации и юристы, так говорит Совет по правам человека при президенте РФ (ну, я имею в виду, по Pussy Riot, во всяком случае). Поэтому наличие политической составляющей в судебной практике, и понятно какой – это очень плохой знак. Это первое. То есть использование судов для сведения политических счетов – оно очевидно. Да, мне скажут «Ходорковский». Да, Ходорковский – единичный случай. Мы видим за этот год систему. На мой взгляд. Мне так кажется, что это политическая составляющая, против которой как бы громогласно возражает президент, она присутствует. И я на это обратил внимание.

Вторая история немаловажная – это то, что Путин подписывает все эти законы, которые принимает Государственная Дума. Как взбесившийся принтер – я добавлю это. Он иницирует многие из них – я имею в виду идеологически, а не юридически. Законы принимаются специально с дырками и с изъятиями, чтобы в эти дырки проваливались политические противники. То есть закон, может быть, и правильный, предположим, там, касающийся интернета, но там специально делается такая дырка, что уже органы исполнительной власти или суда сами решают, кто занимается, а кто не занимается политической деятельностью.

Ну вот эта история с НКО – третья, но она связана и с законами. Там же просто не дается кодификация политической деятельности. И когда выясняется, что там общество по борьбе с тяжелым детским заболеванием занимается политической деятельностью, потому что в его уставе написано «Защита интересов больных вот этой болезнью в органах власти», прокуратура говорит: «А, вот, политическая деятельность. Регистрируйтесь как иностранный агент, потому что вы получили там 250 тысяч рублей из Англии».

А. САМСОНОВА: Кто эти люди в администрации президента, которые организуют реакционный режим, которые пишут эти законы, которые придумывают?..

А. ВЕНЕДИКТОВ: Реакционный режим, как и прогрессивный режим, организуется Путиным Владимиром Владимировичем.

А. САМСОНОВА: Ну, он не может придумать все законы – об НКО и так далее.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А законы придумывают... Я знаю некоторые...

А. САМСОНОВА: Импульс. Откуда идет импульс?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, смотрите, импульс идет от президента.

А. САМСОНОВА: Дальше?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Вот, президент говорит: «Усыновление детей иностранцами – позор». Дальше остроухий депутат с очень тонкой настройкой на одну башню это слышит и начинает писать закон: «Вот, я принес». То есть на самом деле история в том, что наша власть устроена следующим образом. Она с высокой долей символизма, да? Путин – вообще человек-символ. Он смотрит за жестами, то же самое депутаты. Они видят: «О, президент сказал про это», – тут же принимается закон. Недоработанный, сырой... Слушайте, закон Магнитского так называемый, акт Магнитского, закон Кардина, как мы знаем, 2,5 года проходил и не потому, что там кто-то мешал, хотя и мешала администрация, а потому что есть процедура принятия закона, чтобы не было в нем дырок, чтобы не было в нем двойных толкований.

А. САМСОНОВА: Кто пофамильно собрался обсуждать, как Россия ответит на закон Магнитского?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что это Совет безопасности РФ во главе с Владимиром Путиным. А по списку смотрите.

А. САМСОНОВА: И кто там сидел, да.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, по списку там сидели Патрушев как секретарь Совбеза, премьер-министр, министр обороны, министр юстиции, министр иностранных дел, 7 полпредов и так далее.

А. САМСОНОВА: Кому пришла в голову нетривиальная мысль ответить сиротами?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Про это никто не знает, но говорят, что это предложила помощник президента Татьяна Голикова. Сертифицировать не могу. Но люди кругом знающие, которым я доверяю, говорят, что, скорее всего, предложение исходило от Татьяны Алексеевны.

История заключается в том еще... Тут же надо понимать, что все в контексте надо смотреть. Внимательный наблюдатель, тот, кто вспомнит прямую линию президента в 2011 году в декабре, вспомнит, как он сказал: «Иностранное усыновление – это позор. Я против иностранного усыновления». Он сказал это публично. А до этого еще год назад он это уже говорил нам, главным редакторам. Это его искренняя позиция. Но пока общественное мнение не сложилось, он ее и не толкал. И тогда встала актриса вот эта Оксана Будина, которая сказала: «Вы не правы, Владимир Владимирович. Это очень важно». Сейчас сложилась ситуация, когда, ну, мы знаем, что часть его команды выступила против по разным причинам. И тем не менее, точка зрения президента – она возобладала. Эта поправка была внесена на второе чтение и была принята Государственной Думой с расторжением известного международного договора.

А. САМСОНОВА: У меня вопрос мой личный, не журналистский никакой. Я чувствую, что я проиграла в прошлом году. Вот, формально. Все мои силы были потрачены, и я была в эйфории...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ты ошибаешься.

А. САМСОНОВА: Ну, временно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, я тебе говорю, ты ошибаешься.

А. САМСОНОВА: О'кей, допустим. Но несколько людей, которых я знаю лично и с которыми я дружу, посажены в тюрьму. Несколько людей ждут ареста, несколько людей эмигрируют. И в целом состояние, в общем, страшное. И страшно за жизни...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Твоего окружения.

А. САМСОНОВА: Моего окружения. Страшно за жизни людей, которые родились в 80-е, вот в этом поколении царит паника. В нашем детстве и в юности «Эхо Москвы», свобода и так далее. И как человек, который символизирует свободу (вы для меня)... Ну, я политикой стала интересоваться, когда на «Эхо Москвы» пришла – до этого не интересовалась. Вы ходите к человеку, который сажает моих друзей, вы с ним разговариваете. И для меня это больно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Хорошо. А если б я был врачом и у него болела спина, и меня позвали делать операцию, я должен был его резать?

А. САМСОНОВА: Я знаю этот ваш...

А. ВЕНЕДИКТОВ: А почему я должен?..

А. САМСОНОВА: Алексей Алексеевич, я 5 лет...

А. ВЕНЕДИКТОВ: А почему я должен его изменить сегодня?

А. САМСОНОВА: Алексей Алексеевич, как вы это внутри переживаете?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Никак я это не переживаю. Видишь, седой за 2 года стал. За 2 года. Переживаю. Переживаю, потому что я считал...

А. САМСОНОВА: Как вам не больно с ним разговаривать?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, разговаривать мне не больно, потому что это профессионально. Ну, подождите. Во-первых, он мне интересен. Они все мне интересны, люди, кото-

рые там работают. Они – очень сложные люди, они – очень непростые люди. Мне профессионально интересно. А во-вторых, я повторяю, я все время говорю, это как... Ну как? Ну, работа, слушайте. Это все равно как, извини меня, хватать людей, которые там оказывают помощь и разговаривают с оппозицией. То же самое. Какая разница тогда между лидерами оппозиции и Путиным? Да никакая.

А. САМСОНОВА: Наш слушатель задает такой вопрос. Вот, мы приходим после праздников, а Путин исчез, вот нет его, исчез.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Улетел на Марс, да.

А. САМСОНОВА: И все такие: «Опа, исчез Путин». Улетел на Марс. Что меняется? Что не меняется, что остается?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что команда... Я вот представляю себе, команда – она сделает промежуточным наследником Медведева. То есть и по Конституции, как бы, премьер-министр исполняет обязанности. И будет искать наследника, который будет продолжать некую политическую линию.

Вообще, команда Путина – это очень интересно, потому что в его первой каденции (собственно, формула принадлежит, по-моему, мне, первой я услышал ее от себя, я бы сказал так) команда Путина – это от Сечина до Чубайса и наоборот. Это огромный пласт российской бюрократии, людей, которые делали ельцинские реформы, гайдаровские реформы, частично горбачевские реформы, и это противники этих реформ – они все в команде Путина.

Поэтому, собственно говоря, я считаю, что команда Путина – это не партия, это не идеологическая партия, это слой бюрократии. Внутри каждого слоя есть свои интересы. Вот уже Сечин сцепился с Миллером, и покатались они, потому что этот – нефть, а этот – газ. Ну, это самое примитивное. А Чубайс – электроэнергетика. Там, группа бизнесменов, значит, она лесом торгует, есть такая, есть такая. И поэтому я думаю, что в среде команды начнется раскол, каждый будет выдвигать своего представителя, ну и там кто возьмет выше. Все может быть и лучше, и хуже. Поэтому... Вот, как бы, люди... Я этим объясняю, что люди не хотят смены Путина – я имею в виду 40 % или 60 %, ну, не важно. Вот интуитивно на животном уровне люди понимают, что смена Путина – это смена политики. И не хотят изменений. На долю одного поколения выпало очень много изменений, да? Брежнев, Андропов, Горбачев, Ельцин, Путин. Все, хватит. «Объявите нам правила игры, уйдите от нас. Не трогайте нас. Вот есть Путин, вот он такой». Это для меня объяснение, почему реально Путин, как зеркало, отражает вот эту стабильность. У него в последний год этот термин, в общем, исчез, я обратил бы внимание, но предыдущие годы, все 12 лет его основным частотно употребляемым словом (ну, не 12, может быть, 10) была «стабильность». Там, с 2002-го года по 2012-й – это изучали социологи специально – было слово «стабильность». И вот это большинство населения на сегодняшний день, или относительное большинство, оно, конечно, не променяет ни на что.

А. САМСОНОВА: При каком сценарии система, в которой Путин звено, но одно из, – я имею в виду нечестные выборы в Думу, отсутствие парламента, отсутствие честных судов и подконтрольные суды, и так далее, и так далее, и так далее, – вот эта система нынешняя, которая существует уже долгое время, меняется на контролируруемую гражданами систему? Сценарий.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Значит, смотрите. Конечно, система изменялась. Она 10 лет не была одной и той же. И вот эти попытки реформ, которые начал в конце своего срока Медведев и, в общем-то, поддержал Путин с известными ограничениями, они доказывают нам лишь то, что система уже меняется в эту сторону.

Я представляю себе... Очень интересные будут выборы 8 сентября, потому что большинство партий... Даже забыли, губернаторские выборы, да? Там будет особая история,

муниципальный фильтр, которого, как Медведев мне сказал, «его нету». Как его нету? Вот он. Дмитрий Анатольевич, что с вами? Вот он.

А вот законодательные собрания, муниципальные выборы – это, знаешь, такой градусник замера. Там, где это возможно, мы видим там, условно говоря, в некоторых городах на выборах, там, где особых претензий нет, мы видим, что «Единая Россия», то есть партия Путина (давай это называть так, конечно же), набирает от 40 до 60 процентов голосов – я имею в виду выборы в Подмосковье и так далее, и так далее.

Это означает, что протестный потенциал сконцентрирован в крупных городах, вот, 13-миллионниках. Вот будут выборы в ЗАКС Екатеринбурга и будут выборы мэра Екатеринбурга. Посмотрим, кто зарегистрируется, как пойдет. Но уже понятно, что «Единая Россия» не будет там обладать абсолютным подавляющим большинством.

А. САМСОНОВА: Кстати, доживет ли «Единая Россия» до 2018 года?

А. ВЕНЕДИКТОВ: А какая разница?

А. САМСОНОВА: Ну, будет ли это название?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, она будет называться по-другому. Вот какая тебе разница в названии?

А. САМСОНОВА: Ну, это будет восприниматься как победа.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, воспринимайте как победу.

А. САМСОНОВА: Это важно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну хорошо.

А. САМСОНОВА: Это важно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да, будет Фронт. Ну, какая разница? Я работаю со смыслами, Тонь. Я понимаю, что в нынешнем информационном обществе очень важны слова. Вот Владимир Владимирович очень к словам придирается.

А. САМСОНОВА: Да. И стабильность выметена, может быть, информационным обществом.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да ничего подобного, скажет: «Расширил», и все. За счет Фронта. Мне просто представляется, что есть некий политический тренд, который оформляется определенными партиями, набором партий – не только «Единой Россией», мы видим это по голосованию и других партий.

Есть другой тренд. Условно назовем его «протестный». Ну, все замеры показывают, что, скажем, правые либералы, ну, либералы просто, просто либералы, люди либеральных взглядов...

А. САМСОНОВА: Это вы. Ну, мы с вами.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я – реакционер, я – консерватор. Ну, мы с вами, конечно. То есть люди, которым нужна и свобода тоже, набирают по стране до 15 %. В крупных городах-миллионниках до 30, в Москве – до 40. Вот, собственно говоря, это такие замеры, которые каждый день ложатся на стол администрации. Некоторые из них мне показывали. По некоторым городам.

И должен сказать, что в администрации, в управлениях Володина работают люди, которые каждый день работают... Вот как я с рейтингами, так они с цифрами. То есть они этот градусник все время пихают в разные дырки, понимаешь? Вот, какой-то там городишка... Я прошу прощения перед слушателями, мне недавно показывали, там население 10 тысяч человек. Замер «Путин, не Путин», «Путин, Жириновский, Зюганов, Прохоров, Явлинский»... 10 тысяч населения, да? Причем, там выборов нет 8 сентября. Сидят люди, платят деньги социологам, социологи измеряют. То есть эти люди меряют температуру. Это там, может быть, не врачи, но фельдшера точно.

А. САМСОНОВА: Скажите мне год, когда в России будут честные президентские выборы, много кандидатов, кто хочет приходи.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Не, много кандидатов – сколько угодно. 64 кандидата пожалуйста.

А. САМСОНОВА: О'кей. Любой кандидат, кто хочешь приходи, честные выборы когда президентские?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что следующие президентские выборы в 2018 году, если говорить о президентских выборах, пройдут под знаком Путина. Я на сегодняшний день...

А. САМСОНОВА: Это будет Чавес-Мадуро.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, на сегодняшний день... Это будет Чавес. На сегодняшний день, я думаю, что Владимир Владимирович скорее склоняется к тому, хотя об этом рано говорить, что он останется. Это же вопрос тот же самый...

А. САМСОНОВА: Нет.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Почему «нет»? Ты еще молодая. А нам с ним тащить эту страну. История заключается в том, что, на самом деле, что произошло с Медведевым, да? Он оказался не очень готов. Чья вина? Вина Путина. Ты сам поставил себе наследника (и он это понимает, на мой взгляд), который еще не нарастил мышцы, да? Началось расшатывание. Я сейчас его глазами смотрю, не своими. Началось расшатывание. «Я вернулся, чтобы подкрутить», грубо говоря. В том числе. Нет, ну там, может быть, еще там безопасность, трали-вали, но в том числе подкрутить.

Но Медведев все выполнил. Медведев не сменил тренд. Начал, но не сменил, да? Не сменил политический режим. Не сменил приоритеты, да? Совершил несколько ошибок, с моей «точки зрения Путина», но, тем не менее... Сейчас я посмотрю. Если до 2018 года удастся кому-то из нашей команды, из нашей политической силы, из нашей политической партии в широком смысле этого слова нарастить мускулы и я буду уверен, как я понимаю, что он – продолжатель моей линии, я его поддержу. А если нет? Еще молодой.

А. САМСОНОВА: Что надо делать оппозиции, чтобы в 2018 году не был Путин? Вот, рецепт?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что оппозиция просто не тем занимается. Я не даю советов...

А. САМСОНОВА: Да ладно. Как историк. Ну, выступите как историк.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну смотрите, понятно, что оппозиция не предлагает другой политической повестки дня. Говорить «Нет коррупции» – это лозунги очень правильные.

А. САМСОНОВА: Хорошо. Она говорит...

А. ВЕНЕДИКТОВ: А как ее изжить (коррупцию)? Оппозиция высказала свое отношение к запрету чиновникам иметь счета? Не высказала.

А. САМСОНОВА: Оппозиция говорит: «Мы сделаем честные выборы. А чтобы сделать честные выборы, достаточно просто захотеть сделать честные выборы».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я не буду за них голосовать до тех пор, пока единственным пунктом будут честные выборы. Этого недостаточно. Предложите альтернативную повестку для моей страны. Это президентские выборы, да?

А. САМСОНОВА: То есть это значит, что есть какой-то условно гайдаровский кружок, то есть, условно, какие-то люди сидят и занимаются...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Подожди, это называется «политическая партия», конечно.

А. САМСОНОВА: Да. Теневое правительство сидит и пишет программу под себя.

А. ВЕНЕДИКТОВ: И объявляет людям: «Послушайте, вот Путин делает вот это. А мы повысим пенсионный возраст до 55 лет, таким образом мы ликвидируем страх того, что рухнет пенсионная система или, наоборот, мы понизим пенсионный возраст, как говорит товарищ Зюганов, и мы будем левой оппозицией. И мы напечатаем деньги. Мы будем воевать с США или мы не будем. Мы вернем Осетию и Абхазию Грузии или, наоборот, мы заберем всю Грузию. Мы завтра можем...»

А. САМСОНОВА: Подмена. Потому что претензия к Путину не в том, что он левый или правый.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, секундочку. Это политическая программа. Вот Путин, избираясь президентом, написал много статей, выступал, и люди слушали и говорили: «Ну да». Вот с Кудриным дебаты были. Кудрин говорит: «Надо зажать повышение зарплат и обратить свое внимание на производительность труда». Это одна повестка дня. А Путин говорит: «Нет. Нет. Я буду повышать зарплаты вне зависимости от производительности труда». Это другая повестка дня. А вы, которые получаете зарплату, вы выберете Кудрина или меня. Имеется в виду – альтернативную повестку, а не человека.

Значит, должен быть человек, который говорит... Путин говорит: «Никаких хиджабов в школе». Выйдет человек и должен сказать: «Хиджабы в школе». Другая повестка дня. А как? Оппозиция должна предложить внятную политику на потом. На потом. Вот она выиграет выборы, и?.. Хорошо, вы выиграли выборы. И что вы будете делать с моей страной? «Мы будем бороться с коррупцией». Но как? «Мы запретим чиновникам иметь счета за границей».

А. САМСОНОВА: Нет. Мы запретим звонить судьям по телефону.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Не-не-не. А какая?..

А. САМСОНОВА: Мы запретим звонить судьям...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Так а у нас Путин говорит, что мы не звоним судьям по телефону. И все говорят. А кто говорит, что звонят судьям по телефону? Это не политическая повестка дня. Ее нету. Вот это вся история. Ее нету. И именно этим объясняется кратковременный успех. Потому что на короткое время можно говорить о честных выборах или, вернее, о нечестных выборах. Сейчас это не актуально. Вот, оно не актуально. Поэтому люди не выходят. Тогда, в декабре, это было актуально. В январе это было актуально. А сейчас, пожалуйста, в городе... Там где, в Жуковском были выборы? Ну так особо никто не жаловался. Победил представитель «Единой России», на втором месте человек от Прохорова. 40 % и 30 %, по-моему. На третьем – коммунист, еще там 28 %. Вот история. Нет повестки дня.

А. САМСОНОВА: Был ли в 2012 году какой-нибудь момент, когда вы засомневались, что Путин вернется, и вы подумали: «А вдруг вот эти чуваки победят?»

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет-нет-нет.

А. САМСОНОВА: Или вы всегда знали, что так кончится?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Не-не-не. Как «так»?

А. САМСОНОВА: Так, что он вернется и начнется реакция.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я еще раз объясняю, что по замерам большинство населения, которое идет на выборы (относительное большинство), в декабре 2011 года все равно хотело стабильности. Оно не хотело нечестности, но оно хотело стабильности. Оно хотело изменения, но так, чтобы без столкновения. Поэтому никаких сомнений у меня, что Путин пойдет и выиграет выборы честнее, чем «Единая Россия» Думаю, как оно и было на самом деле, у меня не было.

А. САМСОНОВА: И эйфории не было?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Эйфории точно не было.

А. САМСОНОВА: Вот, ходила по Новому Арбату под нашими окнами толпа.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, а в чем эйфория? А в чем эйфория? Я очень рад...

А. САМСОНОВА: Люди с вашими ценностями...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я очень рад, что гражданское общество в России (и я – его часть), безусловно, развивается. Но, будучи историком, я прекрасно понимаю, что в один день ничего не выйдет, потому что это люди, которые вышли с разными ценностями. Там ходили левые и националисты, и, как ты говоришь, с моими ценностями, да? Там разные люди ходили, я напому. Но где политическая повестка дня? Вот, будут выборы мэра Москвы, я послушаю про кровавый собянинский режим, безусловно. Но я хочу знать, как люди пробки

будут расчищать, как новый мэр Москвы, что он может сделать лучше Собянина для того, чтобы решить проблемы воздуха в городе, экологии. А как ты думаешь?

А. САМСОНОВА: Мэр Москвы не политическая должность. Хозяйственная.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Мэр Москвы – самая политическая должность, потому что именно мэру Москвы подчинено Главное Управление Внутренних Дел по Москве, где происходят все события. Самая политическая должность – мэр Москвы. Не надо мне рассказывать.

А. САМСОНОВА: Ну, кстати, о событиях в управлении главным политическом, в мэрии Москвы. Вы говорите, что вы – независимый наблюдатель и вы – регистратор, да? Машина, регистрирующая...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Как главный редактор. Ну, какая машина? Машина, субъективная машина со своими вкусовыми пристрастиями, естественно. Но регистратор, да.

А. САМСОНОВА: Ну, была вот эта жуткая история с...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, в общем, регистрация – это, скорее всего, все-таки все радио. Каждый человек субъективен, но все-таки когда все радио, это, все-таки, более объективно.

А. САМСОНОВА: Ну вот эти виски, Горбенко, вы съездили, поговорили.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да.

А. САМСОНОВА: И вы сказали тогда...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Какая это жуткая история? Именно после этой жуткой истории...

А. САМСОНОВА: А я еще не задала вопрос.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ты сказала, что она жуткая... истории стали возможны массовые митинги в Москве без арестов и столкновений. Вот полгода это было. Цена – одна бутылка виски.

А. САМСОНОВА: Но вы говорили: «Идите на Болотную». То есть в тот момент, когда вы говорили...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Куда хотели и согласовали организаторы митинга. Товарищ Пархоменко, товарищ Рыжков, которые там были.

А. САМСОНОВА: Вы не как журналист. Согласитесь, что вы не как журналист говорите.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я был наблюдателем от Общественного совета ГУВД. Конечно, я там был по просьбе...

А. САМСОНОВА: И вы не как журналист говорите «Идите на Болотную».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я там был по просьбе Колокольцева ровно для того, чтобы наблюдать, чтобы не было столкновений на Площади революции. В случае столкновений между полицией и демонстрантами я имел право вмешаться и это дело остановить, потому что я участвовал в инструктаже, сам инструктировал в том числе людей, извини меня, в форме о том, как себя вести, по просьбе тогдашнего начальника ГУВД Владимира Александровича Колокольцева.

А. САМСОНОВА: Но когда «Эхо Москвы» говорит: «Идите не на площадь Революции, а идите на Болотную – там безопасней»...

А. ВЕНЕДИКТОВ: «Эхо Москвы» не говорит.

А. САМСОНОВА: Или когда вы говорите. Когда вы говорите.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Секундочку. «Эхо Москвы» говорит о том, что согласовано там. Но я хотел бы еще раз сказать, что на площади Революции не был задержан ни один человек. Я напомним, хотя там шел митинг Лимонова 2 часа, ни один не был задержан. И я там стоял до того момента, когда все ушли с этой площади. Я-то на Болотную пришел к концу, потому что я стоял на площади Революции и смотрел, чтобы не было столкновений. Их и не было. А в чем гражданское общество? Чтобы полиция и люди уважали друг друга, чтобы каждый выполнял свой долг, чтобы не было столкновений между гражданами в форме и гражданами не в форме. И это было сделано, и это было достигнуто. И это очень хорошо. Это было пра-

вильно. Если бы так работало 6 мая, было бы то же самое. Но так не сработало 6 мая, потому что провокаторы были с двух сторон. Я видел все видео – и оперативную съемку видел, да? Меня не было 6 мая, я повторяю, я не могу сказать, что я стоял и видел своими глазами. Я видел оперативную съемку, я видел съемку, которую осуществляли оппозиционеры, да?

А. САМСОНОВА: А можно опубликовать оперативную съемку?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Задайте вопрос тем, кто является держателем. Я думаю, что она в судах станет опубликована. Суды-то будут открытые.

А. САМСОНОВА: И сколько дадут?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Откуда ж я знаю.

А. САМСОНОВА: Ну, вот Лузянину дали 4,5.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ты знаешь, не знаю. Я знаю о том, что там были провокаторы, и эти провокаторы – они пойманы. Вот это я знаю. То есть вот эти 28 человек, которые сейчас задержаны, ну, я так слежу и я не имею никакой дополнительной информации, я слежу по медиа. Вот из того, что я вижу, вот те люди, которые осуществляли, собственно, прорыв под черными флагами в черных масках – это не они. Вот это я вижу.

А. САМСОНОВА: Ну, то есть... Я, конечно, debil...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да.

А. САМСОНОВА: ...но вы остались в Общественном совете при ГУВД?

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я и остался в Общественном совете при ГУВД.

А. САМСОНОВА: И вы сейчас там?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Он сейчас не работает, к сожалению. С уходом Светланы Миронюк и Владимира Колокольцева, которые являлись мотором этого, он практически... Ну да, есть наблюдения.

А. САМСОНОВА: Но формально вы там?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Формально я там, это правда. Формально там.

А. САМСОНОВА: В Общественном совете ГУВД Москвы, которое и по показаниям оперативников которого сейчас сажают, например, Гаскарова и остальных, я скажу, моих друзей.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, хорошо.

А. САМСОНОВА: А вы – в Общественном...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да, я и буду там, останусь. Конечно.

А. САМСОНОВА: Вот вы, человек, который для меня, ну, там, все вообще...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да. Это хорошо, да.

А. САМСОНОВА: ...вы, значит, в Общественном совете. Вы представляете, как меня кроет в голове?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, ради бога. А ты привыкай.

А. САМСОНОВА: И что мне делать?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ничего. Значит, Общественный совет существует для того, чтобы быть интерфейсом полиции относительно граждан и интерфейсом граждан относительно полиции. Собственно, вот это роль. Это не роль адвокатов или прокуроров, это не роль высших офицеров полиции, которые наводят там порядок.

А. САМСОНОВА: А зачем мое «Эхо Москвы»...

А. ВЕНЕДИКТОВ: А твое «Эхо Москвы» там не причем.

А. САМСОНОВА: ...говорит, например: «Вступайте в ряды полиции, становитесь участковыми»?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это реклама. И очень хорошо было бы, чтобы люди нормальные шли туда, потому что, к сожалению, в московской полиции есть вакансии, и участковые – это очень нужная профессия. И пусть люди, как называется, доброй воли идут и поступают.

А. САМСОНОВА: И они придут в комсомол и изменят его изнутри.

А. ВЕНЕДИКТОВ: При чем тут комсомол? Это работа.

А. САМСОНОВА: Ну, потому что мы понимаем, что такое участковый полиции.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Давайте не ходить в больницы, потому что они лечат бюрократов. Вы что!

А. САМСОНОВА: Нет.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да!

А. САМСОНОВА: Давайте не ходить и не вступать в ряды тех, кто занимается нечестными, противозаконными делами.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Значит, одну секундочку. Если человек вступает в ряды... Живет в стране, где люди занимаются противозаконными делами, уезжайте. Ты знаешь, у нас очень много людей в стране занимаются противозаконными делами. Давайте уезжать.

А. САМСОНОВА: И что нам с этим делать?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Уезжать и ничего. С этим бороться надо. Вот и боритесь. Вот и боритесь с незаконными делами.

А. САМСОНОВА: А как? Расскажите мне, как мне бороться? Вот, я не хочу...

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я не знаю. Вот, вы – журналисты, рассказывайте о противозаконных делах. Вот, помощь больным муковисцидозом, вот этой болезни совершенно детской, потому что был поднят шум. Потому что «Эхо Москвы» подняло шум, понимаете? А могло не поднять шум. А работа в том, чтобы поднять шум. И прокурор позвонивший сказал: «Ну, зачем же вы поднимали шум?» (не мне, а ей, руководителю). Шум – это мы. Мы – шум. Вот так и боремся с этой прокуратурой, а не идем громить прокуратуру. Это работа журналиста рассказывать о том, что происходит. А граждане должны делать свои выводы. Мы им свой ум не поставим.

А. САМСОНОВА: Я за 6 лет не выяснила один для себя вопрос, что не говорит обо мне как о профессиональном журналисте. Я не поняла, что нельзя рассказывать на «Эхе Москвы» и что нельзя говорить в эфире. Но очевидно, учитывая систему, для нас с вами очевидно, я думаю, что есть вещи, которые мы не можем сказать в эфире.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я не знаю, что такое «мы».

А. САМСОНОВА: Я не могу сказать в эфире.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я не знаю, что вы не можете сказать в эфир. Я не могу сказать в эфир...

А. САМСОНОВА: А мы перешли на «вы», вы заметили, дорогие слушатели?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, я говорю: я не знаю, что вы (в смысле журналисты) не можете сказать в эфире. Я знаю, что я не могу сказать в эфире: то, о чем идет речь на закрытых встречах. Я не пересказываю это в эфир. Это условие встреч. Я очень хорошо это понимаю. Я знаю, что я не могу сказать в эфир то, что я считаю неправильным. И так каждый журналист. Но у нас могут не совпадать эти самые штуки. Вот у нас там разные люди. Я, например, считаю неправильным, что журналисты ходят на митинги как граждане. Неправильным. Но я же не запрещаю этого. Но я же этого не запрещаю. И то же самое с эфиром. Мало ли чего... Я считаю неправильной рецензию Ксении Лариной на фильм Алексея Германа. Но я же ей не запрещаю это говорить. При чем тут я и моя позиция как журналиста, и позиция Ксении Лариной или Тони Самсоновой?

А. САМСОНОВА: Учитывая, что режим реакционный, ваша свобода в ближайшее время, свобода главного редактора принимать те решения, которые вы считаете нужным, будет уменьшаться? Зона вашей свободы будет уменьшаться?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я считаю, что за те 15 лет, которые я главный редактор, я сам определяю границы своей свободы. И никто не может мне ее определить. Знаешь, репутация дороже. Я наработал эту репутацию в течение долгих лет – я не собираюсь ею рисковать ради сиюминутных выгод. Мне это не интересно. Я уже человек долго живший. Осталось

меньше, чем прошло. Поэтому я не буду рисковать своей репутацией, можешь не сомневаться. Никаких ограничений не вводится. Ну, не вводится, и все. Это же известно. Где оно вводится?

А. САМСОНОВА: Ну, мы просто об этом не знаем.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, а как? Вот ты садишься к микрофону...

А. САМСОНОВА: Я знаю, что вас невозможно переспорить, ну, или сложно, да?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Не-не, секундочку. Ты садишься к микрофону и говоришь то, что ты хочешь.

А. САМСОНОВА: А потом...

А. ВЕНЕДИКТОВ: А что потом?

А. САМСОНОВА: А потом ничего.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А потом ничего.

А. САМСОНОВА: Потому что это радио, да.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А потом ничего.

А. САМСОНОВА: И даже если что-то потом, то это уже потом – в эфир уже все сказано.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну почему? Вот и я очень доволен этой историей с отзывом прокуратуры. Я считаю, что это очень полезную вещь мы сделали. Мы даже про нее не думали, когда поднимали шум. Но оно случилось. Дети смогут лечиться. Это что, мало? 136 детей в Истринском районе больны этой тяжелой болезнью генетической. 136 детей. Все, мы оправдали существование «Эха Москвы» за 15 лет! Понятно? 136 детей.

А. САМСОНОВА: Вы отказали Путину, чтобы стать его доверенным лицом. Когда еще вам приходилось отказывать Путину и в каких ситуациях?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Он не обращался с просьбами-то.

А. САМСОНОВА: Или с директивами.

А. ВЕНЕДИКТОВ: С директивами? Как ты себе это представляешь? Как ты себе это представляешь «с директивами»? Я даже не могу понять, как это выглядит.

А. САМСОНОВА: Осветить, не знаю, то-то и то-то, там-то и там-то.

А. ВЕНЕДИКТОВ: С удовольствием. Осветить то-то и то-то – придите, Владимир Владимирович, и осветите, наконец, уже придите же уже же. Моя позиция очень простая, Тонь. Если вам есть что сказать разным людям там, во власти, эфир открыт. Так же, как для оппозиции. Ровно таким же образом. Приходите и говорите. Микрофончики – вот они.

А. САМСОНОВА: Володин или Сурков? При ком было лучше?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Кому?

А. САМСОНОВА: Вам.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Мне?

А. САМСОНОВА: Легче с кем?

А. ВЕНЕДИКТОВ: При Володине.

А. САМСОНОВА: Почему?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, потому что открытая ясная позиция, никаких танцев на каблучках.

А. САМСОНОВА: Ненавижу эту позицию.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Где? Открытую? А это другой момент. Не-не-не. И с тем Славой, и с тем Славой отношения, естественно, личные были, но... Я могу тебе сказать, что все-таки мы прекрасно понимаем, что решение по «Эхо Москвы», скорее всего, будет принимать Путин Владимир Владимирович (любое). Поэтому... С Володиным проще, потому что он говорит всегда открыто и в глаза, что ему не нравится и нравится.

А. САМСОНОВА: Вероятность, при которой до 2018 года «Эхо Москвы» будет закрыто. Процент?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Сегодня?

А. САМСОНОВА: Да. Вот, вы сегодня оцениваете... До 2018 года.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Сегодня я не вижу таких условий.

А. САМСОНОВА: Процент, вероятность?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ноль.

А. САМСОНОВА: Ноль?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ноль.

А. САМСОНОВА: Стопроцентно доживет до 2018 года?

А. ВЕНЕДИКТОВ: До 2024-го вместе с Владимиром Владимировичем.

А. САМСОНОВА: Алексей Венедиктов, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы». Год Путина в третьем сроке. Большое спасибо.

2013 г.

Идет изощренная политическая борьба

С. КОРЗУН: Всех приветствую. Сергей Корзун в студии «Особого мнения». Напротив меня сегодня гость «Особого мнения» Алексей Венедиктов, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы».

Первый вопрос, который мы обсудим сегодня – массовый отход от системы метрической, системы мер и весов СИ. Он начался уже довольно давно. Удавов, как вы помните, все мерили в попугаях довольно успешно. Взятки в последнее время стали мерить в фарберах. Ну, а, наконец, финансирование избирательных кампаний предложено мерить в чизбургерах. И автор этого нововведения – Алексей Венедиктов. В 1200 чизбургеров оценил он вместе с Венедиктовым-младшим свой взнос в Фонд шести кандидатов в кампанию мэров. И об этом сообщает агентство ИТАР ТАСС. Что случилось, Алексей?

А. ВЕНЕДИКТОВ: На самом деле тут две истории. История первая. Во время поездки я Алексею рассказал о том, что в очень многих странах потребительскую корзину меряют в биг-маках. Это известная история, что стоимость гамбургера...

С. КОРЗУН: Индекс биг-мака есть.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Совершенно справедливо. Такое было приключение. Мы были в «Макдональдсе» в одном городе. Я ему сказал – ты знаешь, биг-мак, помимо того что его еще надо есть, вот еще такое измерение. И потом я, естественно, из отпуска наблюдал за кампанией, и мне показалось, что конкурентность, грубо говоря, важнее результата, я прошу прощения. И я решил еще раз подчеркнуть, что «Эхо Москвы» равноудалено в этой истории, и публично перевел каждому кандидату в Сбербанк, внимание, одинаковую сумму, всем шестерым по шесть тысяч рублей.

С. КОРЗУН: Равноприближено, я бы даже сказал.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Равноприближено, да. В результате получил реакцию от собственной семьи. Лена сказала, что какое счастье, что есть муниципальный фильтр, иначе бы кандидатов было тридцать. И накрылся бы наш отпуск. А ребенок с возмущением сказал, что папа, ты сошел с ума, это 1200 чизбургеров.

С. КОРЗУН: В какой стране вы, интересно, были, потому что...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Мы были в Италии. Я отвечу, да, я сегодня уже пересчитал, в Москве это по 136 чизбургеров. Всего 800. Чизбургер стоит 44 рубля. Поэтому я ему должен не 1200, я ему должен 800, вернее, уже 799, один я ему сразу и купил, чтоб он заткнулся. Заткнул ему рот в прямом смысле слова чизбургером. Так что вот. Я считаю на самом деле, что эти выборы, которые сейчас происходят, в частности, в Москве, очень важно делать всё каждому, чтобы они были похожи на выборы, чтобы они были конкурентными, чтобы были приблизительно равные возможности. И поскольку я представляю себе, как идут выборы в Штатах и во Франции, ну, в Великобритании в меньшей степени, я пытаюсь над этим работать, в том числе и над собой.

С. КОРЗУН: Два вопроса. Ты, сделав личный... то есть это не взнос от радио «Эхо Москвы».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, это личный.

С. КОРЗУН: Это личный взнос. Ты откупился от того, чтобы не ходить на выборы? Известна твоя позиция в том, что на выборы ты обычно не ходишь. Ты неоднократно озвучивал, в том числе в самых высших сферах. Пойдешь на выборы?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, я не пойду на выборы. Но, в отличие от прошлых лет, я бы сказал, что я советую всем, не хочу сказать «призываю», идти на выборы. А сейчас мы видим, по крайней мере, на сегодняшний день, мы видим возможность сделать выбор. Есть разные программы, есть разные кандидаты. Не все, к сожалению, представлены направления

мысли, что называется. Я жалею, что нету Удальцова, который представил бы левый фронт, вот, левый-левый, который в Москве есть на самом деле. Я жалею, что нет экологического кандидата. В Москве это было бы интересно. Я жалею, что Прохоров отказался, да? Но все-таки выбор есть.

И поэтому, конечно, моя позиция – она демонстративна, спекулятивна и принципиальна. Я считаю, что главный редактор политической радиостанции не должен иметь возможность отклоняться от вопроса «за кого ты проголосовал?». Собственно, об этом меня и спросил Путин. Я счастливо сказал, что я не хожу с 1998 года, когда я был избран главным редактором. Но это не значит, что у меня нет пристрастия. Но я просто советую всем нашим слушателям в этот раз, поскольку выбор есть, можно идти на выборы.

С. КОРЗУН: Ну, и, наконец, второй вопрос, связанный с этим. С какого, извини, IP-адреса ты переводил из Италии деньги на счет в Сбербанке, мы это услышали, всех кандидатов?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я отдал команду своей помощнице, которая была в Москве, чтобы она ножками взяла в конверте ту самую зарплату, которую я оставил ей, дошла до Сбербанка и внесла бы 36000 рублей ножками, ручками, бумажками туда. В этом смысле я чист, меня не поймает.

С. КОРЗУН: Электронным банкингом не пользуешься?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я пользуюсь электронным банкингом, почему. Но в данном случае Италия такая страна, в этом смысле не очень надежная. Нет, я готов был перевести, дать распоряжение Сберу, у меня есть счет в Сбере, и я бы перевел со счета на счет. Но у меня просто здесь взяли деньги в кассе и в Сбербанк положили.

С. КОРЗУН: Ты понимаешь, что про IP-адрес я спросил неслучайно. История, которая несколько дней разворачивается со взносами в электронный кошелек одного из кандидатов. Я, как и Путин, не буду его называть, фамилию.

А. ВЕНЕДИКТОВ: На мой взгляд, это некомпетентность... вернее, это пиар. Это может быть компетентно в пиаре, потому что, понятно, задача в данном случае сделать Навального иностранным агентом, вернее, человеком, который работает на иностранные деньги. И все революции, как известно, они... как Ленин с чемоданом из Германии, так и Навальный с непонятными IP-адресами. Понятно, что никаких юридических последствий нормально последовать не должно. У нас сегодня в эфире очень хорошо отработали ребята, объяснял представитель «Яндекса», что, в общем, все не так.

Более того, я тут же посмотрел закон, у нас же люди закон не смотрят, можно с иностранных счетов отправлять. Главное, чтоб ты был российским гражданином. Запрещено по закону: иностранному правительству (просто перечислено), иностранным юридическим организациям, иностранным гражданам и анонимным жертвователям.

С. КОРЗУН: Людям с двойным гражданством? – сразу хочется спросить.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что Геннадий Тимченко, о котором мы узнали из уст президента, что он еще и финский гражданин, и это нормально. Вот, если он переведет деньги Сергею Семеновичу или Алексею Анатольевичу, я не знаю, как это суд будет решать. Думаю, что в наших условиях лучше людей с двойным гражданством за людей не считать.

С. КОРЗУН: То есть, по твоему мнению, это не может быть формальным поводом для отстранения одного из кандидатов от избирательной кампании?

А. ВЕНЕДИКТОВ: С точки зрения строгой того, что написано в законе, – нет.

С. КОРЗУН: Борис Немцов, и в блогах на «Эхе Москвы» это опубликовано, как раз вспомнил историю, когда во время одной из его предвыборных кампаний ему немедленно была переведена какая-то сумма с зарубежного счета. Это тоже могло быть поводом.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Идет политическая борьба, идет политическая кампания. Она достаточно изощренная, потому что, скажем, и с историей с квартирой Собянина там все не

совсем так, как говорят многочисленные комментаторы. Я сегодня провел полдня, изучая Жилищный кодекс. Там есть возможность, скажем, если это так, это надо проверять. Вообще политики не очень должны проверять эти вещи, да? У них политическая война. Они бьют по коленкам, сзади, и они говорят – а, вот, он приватизировал это, а это иностранный агент. Это политическая борьба.

Но журналисты, которые это обсуждают или публикуют, все-таки должны до конца изучать документы и законы. И это не очень просто, потому что мы не профессионалы. И я сейчас... у меня на столе лежит жилищный кодекс. Я смотрю, имел ли право Сергей Собянин получать по социальному найму квартиру от управления делами президента. Я сейчас дошел до того, что в Жилищном кодексе есть прямой отсыл к тому, что есть возможность указами президента или законами Москвы (в данном случае Москвы) такую возможность осуществить. Я еще не знаю, был ли указ и был ли закон.

Но знаешь, что самое интересное? Он же лох, Сергей Семенович. Человек работает в Москве, с 2006 года глава Администрации президента. Потом он глава аппарата Белого дома. Потом он три года мэр Москвы. И это все?! Вот эта квартира?! А особняк на Рублевке где? Почему нет? Как это, вот, работать на такой работе. Еще 5–6 квартир в разных хороших местах. Если это все, то лох и лох просто. Извините, Сергей. Лох просто.

С. КОРЗУН: По поводу неучастия в дебатах – это сильный политический ход или ошибка? Потому что многие комментаторы говорят о том, что человек, который имеет преимущество, и, собственно, об этом почти все пиарщики говорят, ему нет никакого смысла выходить на дебаты.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Вот смотри. Если бы я был в штабе Собянина, я бы сказал, что он сделал правильно. Если бы я был в штабе Навального, я бы тоже сказал, что Собянин сделал правильно – есть за что мочить. Как журналист я считаю, что он сделал неправильно. Мог бы поднять рейтинг «Эху Москвы». На самом деле история в том, что там, конечно, все считают – принесут дебаты, не принесут дебаты. Ведь дебаты – они не суть. Была замечательная история первых дебатов в электронных медиа, как раз изучал этот вопрос сейчас, между Никсоном и Кеннеди.

И мы знаем, что Никсон проиграл эти дебаты. Он плохо выглядел, он был много старше, он был самоуверенный. Кеннеди молодой красавец, ударный парень, лучше подготовленный, «красавец». Это мы все знаем, это общеизвестно, что он выиграл телевизионные дебаты. Но, оказывается, эти дебаты транслировались и по радио. И там выиграл Никсон по опросам. Потому что Никсон оказался содержательнее по...

Значит, они так считали. Штабы вправе считать. Раз законов нет, каждый имеет право выбирать. Я считаю, что это ошибка, потому что на одной чаше весов у Собянина была возможность проиграть дебаты, потому что, конечно же, Навальный более агрессивен, более современен, более подготовлен, безусловно, а с другой стороны – обвинение в трусости и высокомерии. Вот что на весах-то было. В любом случае штаб Навального выигрывал.

Понятно, что Навальный по типу выигрывает дебаты. И по типу, может быть, даже по содержанию. Вот начнет про квартиру, про плитку или про озеленение – и все, больше никаких ЖКХ. То есть Собянин отказывается. Его политические противники, не только Навальный, Мельников уже сказал, Левичев. Собянин соглашается и проигрывает. Вот, видимо, в штабе они взвесили и решили, что здесь потери больше. Но мне жалко.

С. КОРЗУН: Мне тоже жалко. Кто из оставшихся пятерых кандидатов в дебатах, которые начинаются ровно сегодня, будет иметь преимущество, на твой взгляд?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Навальный.

С. КОРЗУН: Вообще, кому интересны эти дебаты в первую очередь?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Смотри, у каждого ведь есть, как мне кажется, своя задача на этих выборах. Я просто хочу напомнить, что, ну, так неформально говоря, и Сергей Митрохин,

и Иван Мельников, и Николай Левичев, я сейчас про ЛДПР не говорю, – это вторые люди в партиях. В своих партиях они вторые, формально Митрохин первый, но вторые люди, да? То есть их задача – повышение узнаваемости. Они, возможно, идут на смену своим лидерам. У них не задача выиграть выборы. Я не думаю, что штаб Николая Левичева или штаб Ивана Мельникова ставит задачу выиграть выборы.

С. КОРЗУН: То есть Мельникова тоже не расцениваешь... только как второе лицо?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, первый Зюганов в партии. Мельников второй. И я думаю, что внутри партии обостряется борьба за наследство Геннадия Андреевича. Иван Иванович Мельников этим делает большую заявку. Если он соберет достаточное число голосов. У них такая задача.

А общая задача, как я понимаю, у Навального, такая общая, как я понимаю, могу ошибаться, вообще наш кандидат – это второй тур, как они говорят, да? Его задача – стать вторым, его задача – собрать больше миллиона голосов. Его задача – перекрыть результат Прохорова, по-моему, 21,4 %. То есть стать единоличным лидером оппозиции власти в Москве, федеральным политиком. Если говорить не о том, что мы победим и так далее. Ну, пусть они говорят, это политики. Вот его задача.

Задача Собянина – победа в первом туре, желательно за коридором 55 %. То есть уверенная победа. И вторая задача Собянина – чтобы голосование и подсчет были максимально открытыми. То есть у каждого свои задачи, и они их решают...

С. КОРЗУН: Перейдем к теме Сноудена, которая в последнее время немножко обострилась в связи с тем, что «Шпигель» продолжает публиковать данные, и Россия в целях № 1 разведывательных служб Соединенных Штатов Америки вместе с несколькими другими странами.

Отцу Сноудена выдали визу, и он собирается вместе с адвокатом приехать в Россию. Что ты вообще думаешь о развитии этого казуса Сноудена? Россия в ловушке с ним оказалась, либо она уже выходит из нее?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, нет. Сноуден – это, конечно, та горячая картофелина, которую нам перебросил Китай и отряхнул ручонки. Ничего нового из того, что публикуется сейчас в «Шпигеле» или в «Гардиан», я не узнал. Ну да, открыли Америку через форточку. Оказывается, в американском посольстве в Москве стоит шпионская подслушивающая аппаратура. Я могу вам сказать страшную тайну, не будучи Сноуденом: в российском посольстве в Вашингтоне стоит приблизительно такого же уровня, такого же качества и такой же программы шпионская аппаратура и подслушивающая, которая следит за тем, за чем здесь следят американцы. То же самое в Пекине в американском посольстве и в нашем посольстве. Никакой новости в этом абсолютно нет.

И, к сожалению, мы видим, что пока конфликт очень серьезный на уровне слов. Но когда эти слова говорят президенты, я обратил бы внимание, что на обострение сейчас, в отличие от прочих историй, играет Обама, а не Путин. Именно Обама начал этот виток конфронтации словесной, очень серьезной, между прочим. В устах президента я после Рейгана таких слов не помню. Но надо отдать должное и Российской Федерации, она тоже идет на эту конфронтацию. В частности, заявление по тому, что мы будем строить еще одну атомную электростанцию в Иране, – это очень болезненная для США тема. Мы уже почти нашли консенсус по иранскому ядерному потенциалу России и США. Теперь «из-за Сноудена» мы заявляем о том, что будем строить еще одну атомную электростанцию.

Мы абсолютно точно уходим приблизительно в 1982–1983 год. Сейчас будем ждать, что Российская Федерация заявит по Афганистану и что Обама заявит по приезду на Восьмерку. История заключается в том, что кто-то очень правильно сказал, что Сноуден сейчас уже перебежчик, то есть он сотрудник спецслужб, сотрудник в смысле давал подписку, и он сейчас публикует данные не только для общественного мнения, но, как стало ясно сегодня из

газеты «Ведомости», передает эти данные российской контрразведке. Значит, он перебежчик. Ну а дальше сам можешь судить.

Я думаю, что ситуация будет ухудшаться.

С. КОРЗУН: К отношениям Соединенных Штатов и России. Многие говорят о конце перезагрузки. Она сейчас заканчивается, либо она закончилась с этой знаменитой фразой Дмитрия Медведева «я передам Владимиру».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Для меня было очевидно, что президент Медведев и президент Путин по-разному относятся к перезагрузке или к отношениям с США. Например, когда обсуждался на Совете безопасности российский вопрос, что делать с Ливией, позиция Путина была, как мне рассказывали, была следующая: «им не надо верить, они обманут», на что, как я понимаю, Дмитрий Анатольевич сказал – но я говорил с Обамой, он заверил. Приблизительно, я же не цитирую дословно. Но смысл дискуссии на Совете безопасности российском был приблизительно такой.

И когда я его так пересказываю членам совета безопасности, они говорят – «ну, приблизительно», естественно, не дословно, то есть я верифицировал эту историю. Иными словами, у них просто разные стартовые отношения. Но надо вспомнить, что Путин по своему образованию и воспитанию офицер брежневской эпохи, где был вероятный противник. Дмитрий Анатольевич все-таки рос в период перестройки, где у нас было потепление, где рушилась Берлинская стена, имею в виду, входил во взрослую жизнь, в другое поколение. И в данном случае у них действительно были разные позиции. Когда Путин вернул себе ядерный чемоданчик, то он в соответствии со своим представлением и стал себя вести.

Здесь нет никакого обмана со стороны ни Медведева, ни Путина, ни Обамы. Каждый из них в меру своего понимания защищает интересы своей страны и защищал – как на словах, так и на деле. Другое дело, я считаю, что все хороши, потому что современный мир, на мой взгляд, он должен мериться не по союзникам, а по противникам. То есть угрозы. Есть ли у нас с Соединенными Штатами Америки реальные угрозы для России и для США? Я считаю, что они есть. Они идут с юга для нас и с юго-востока. И для американцев то же самое. То есть они, я имею в виду прежде всего вот этот возникающий исламский такой халифат террористический, это и для нас угроза, и для них угроза. И, конечно, мощь Китая, которая экономическая мощь, политическая мощь, военная мощь, геополитическая мощь в Африке, которая наносит удары по интересам и России, и Соединенных Штатов Америки. Вот эти угрозы должны были, я уж не говорю про кибернетические атаки и так далее, должны были сдвинуть позиции России и США ближе друг к другу. А мы все меряемся, кто нам больше даст, и они, и мы.

С. КОРЗУН: Когда и при каких условиях может измениться этот тренд в обратную сторону, и Россия и Соединенные Штаты снова смогут перейти к сближению?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, когда произойдет какое-нибудь несчастье типа 11 сентября, неважно где, трагедия типа взрыва, типа применения оружия массового поражения, неважно где. Даже если оно будет применено там, я уверен, что и Путин, и Медведев выскажут солидарность. Если оно будет применено, не дай Бог здесь, американцы выскажут солидарность.

Я просто обращаю внимание на историю с Царнаевыми. Это тоже несчастье, но не такого масштаба. И все-таки солидарность была проявлена. Да, медленная, но была. Вот, если произойдет несчастье, как Первая мировая война, как Вторая мировая война, где мы были союзниками в обеих мировых войнах, тоже надо вспомнить про это, да?

С. КОРЗУН: Конкретно, может произойти при нынешнем президентстве Путина и при нынешней администрации в Соединенных Штатах?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это несчастье может произойти сегодня или завтра.

С. КОРЗУН: И Обама и Путин...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Путин вообще опытный волчара такой в международной политике. Обама, безусловно, будет подвинут общественным мнением к союзу с Россией, если Россия протянет руку.

С. КОРЗУН: Еще одна тема, особо актуальная в последнее время, тем более что это одна из тем предвыборных кампаний, – высылка нелегальных мигрантов, отлов их по всей России и высылка. Началось с Москвы, но, по крайней мере, так представлено в средствах массовой информации, сейчас это докатилось до более дальних регионов. Решаем ли вообще вопрос с нелегальными иммигрантами, как ты считаешь, в России?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Он не решаем нигде, на мой взгляд, и в России тоже не решаем. Я когда-то очень интересовался, знаешь, во всех этих фильмах и сериалах американских, да, работает нелегальная иммигрантка-кухарка у сенатора, потом сенатор подает в отставку из-за этого. Зачем ты ее взял? Сенатор, ты же понимал. Я просто стал интересоваться, что там с этим. Там, по-моему, сейчас около 20 млн. нелегальных иммигрантов по оценке, да? Конгресс опять дебатировал, что с ними делать. А я вот не знаю.

Причем страна закрыта. Стена на границе с Мексикой, понимаешь? И то 20 млн.

С. КОРЗУН: Но высылать-то надо?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Вот это вопрос. Вот он и дебатировался в обществе, потому что там люди считают деньги – сколько стоит... Давайте введем особый налог на высылку, да? Берем, сколько в Москве нелегальных мигрантов. Говорят – миллион. Сколько нужно самолетов? Давайте прекратим все полеты, заберем все самолеты у всех компаний. Давайте их туда высылать. Понимаешь, да? Потом выяснится, что половина из них с российскими паспортами, так чтобы было понятно – даже граждане другой страны – они в нужный момент из заднего кармана вытаскивают российский засаленный паспорт. Это серьезно. На тех же самых облавах.

Давить работодателей, которые используют труд мигрантов, это было одно время, да? Давить тех, кто использует на своих дачах труд молдаван, если у них нет лицензии.

То есть у меня решения нет. Я потому и не кандидат в мэры, наверное. Во-первых, это федеральная проблема.

Закрывать Москву. Стену давайте построим. А Подмосковьё? Ну, давайте вокруг построим. То есть на самом деле мне будет очень интересно, что Собянин и Навальный по этому поводу будут отвечать. У меня нет рецепта. Я вижу, как каждая страна, я сейчас в Италии был, там же на лодках переезжают тоже. Они там их берут, сажают в эти лагеря, потом разбираются, кому можно вернуться, того депортируют. Немного народу. Это очень дорого. Кого надо, как-то пытаются их как-то, и ничего не получается, нет правильного ответа.

С. КОРЗУН: И Вьетнам как раз не близко был. Как раз последнее сообщение, что первую группу нелегальных мигрантов из Вьетнама подготовили к отправке и вывезут туда.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да вывезут.

С. КОРЗУН: Палаточный лагерь (это отдельная тема, еще поговорим) превращаем в лагерь, где концентрируются, многие его так называют – концентрационный лагерь. И теперь для того, чтобы получить билет обратно, в общем, осталось совсем немного. Может, их не надо собирать в этих лагерях, а пускай работают на своих работодателей, пусть так же нелегальных, а с работодателями взять деньги как раз.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Так работодатели как раз самые скользкие в этом смысле люди. Как недавно была замечательная история: где-то в здании академии наук жило там внизу человек 300 тоже нелегальных. Когда пришли с проверкой, их там вывезли в грузовиках с надписью «хлеб». Хотелось бы знать, а кто предоставил грузовики с надписью «хлеб». Но это работа не одного дня, не одного срока. Думаю, что рецепта нет. С учетом того, что у нас же проблема еще в том, что столкновения культурологические идут с российскими гражданами, Северного Кавказа, в частности.

С. КОРЗУН: Это, собственно говоря, и было каким-то спусковым крючком.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А с этими что делать? То есть давайте дагестанцев нельзя, а липецких? Можно? Хорошо. А башкир? Из Башкортостана, я имею в виду. Им как, можно? У меня нет ответа. Я хочу послушать кандидатов. И, может быть, наши слушатели, когда выслушают, поймут, где утопия, где популизм, где работа. Нужны лагеря, не нужны лагеря. Какие должны быть кодификационные условия для этих лагерей. Нужна там вода, не нужна там вода. И так далее. У меня нет ответа, Сереж.

С. КОРЗУН: По гуманистическим соображениям вода-то должна быть.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, условно, сколько человек должно быть...

С. КОРЗУН: Я это просто к тому, что Россия, в общем, страна непрогнозируемых морозов, поэтому осень уже скоро и в Москве сейчас наступит. Что будет с этими...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Какие морозы? Вчера под Афинами такой же лагерь нелегальных иммигрантов забунтовал. Туда бросили полицию, которая обычно бьет своих, как известно, в Греции, но тут все остановились и пошли подавлять восстание, потому что их там не кормили. Такой же лагерь, где очень тепло, и сейчас тепло, нелегальных иммигрантов в Греции. Я просто хочу сказать, что этим мы от Европы не отличаемся.

И будущему мэру, президенту, Госдуме, ну ладно, Бог с ней, надо думать о программе. Тем более в Конгрессе опять дебаты, что с ними делать.

С. КОРЗУН: Пока думают, где их хранить в сохранности и целостности, строить...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Миллион в Москве где хранить?

С. КОРЗУН: Да.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Не знаю. Вот, давай, миллион в Москве. Предположим, из них треть граждане другой страны – 300 000. Ну вот, давайте сядем – посчитаем. Готовы ли мы платить налог большой? Стоимость билета Москва – Ташкент. Авиабилета. Каждый месяц, на самом деле. Вот, давайте, если готовы москвичи платить такой налог, причем он бессмысленный, потому что те придут снова, да? Ну, давайте введем налог, давайте попросим Мосгордуму ввести такой налог. Но тогда чтоб никого не было. Ну как? Ну а как еще?

С. КОРЗУН: А как идея, когда миграционная служба, по-моему, попросила как раз большой бюджет с системой этих...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да бюджет – это из моих карманов. Это и есть налог, понимаешь? Он и есть. Они же будут гнать иммигрантов только из Москвы. Не из Липецков. Из Москвы. Нет ответа у меня, к сожалению. Но я наблюдаю за опытом разных стран. Я просто...

С. КОРЗУН: Ответы кандидатов – вот что интересно. Именно поэтому это и вызвало твой интерес, как раз тема мигрантов и обсуждение...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это № 1 сейчас в Москве вообще: по опросам общественного мнения и ВЦИОМ, и Левады первое – это нелегальная миграция, не разделяемая на иностранцев и не иностранцев. Поэтому я готовлюсь, я изучаю различный опыт. Но пока я понимаю, что все это – черпание воды решетом у всех.

С. КОРЗУН: Следующий вопрос. Что происходит с Путиным, на твой взгляд? Изменилось ли что-то за последнее время, и, на твой взгляд, реально ли он контролирует все процессы в стране? Все чаще звучат мнения о том, что Путин не решал, он арбитр, используя определенную лексику. То есть он не самый сильный человек в стране. Он поставлен для того, чтобы разные элиты, которых, кто-то говорит – две, кто-то говорит – двадцать две, чтобы они не дрались слишком сильно. Он просто наблюдает и арбитражирует то, что происходит в стране.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Года 4–5 назад я бы так считал. Сейчас как раз он и является главным игроком, вратарем и судьей. Он не арбитр. Он не только арбитр, скажем так. Он, конечно, решала. Я просто знаю случаи, когда к нему вынуждены обращаться люди с какими-то относительно президента мелкими вещами, потому что на всех остальных уров-

нях – «Туда, выше, мы не решаем. Вот, к начальнику сходи. Как начальник скажет, так и будет».

И в этом смысле ничего не происходит. Наоборот, власть становится все более и более персонифицированной и вертикальной. Отсюда значительное раздражение его, потому что огромная страна. Он так построил сам, что к нему обращаются за последним решением, даже когда могут решить внизу. Потому что мало ли как ты себе решишь тут, потом раз – и не так. Это первая история.

И второе. Ну, полтора года тому назад Владимир Владимирович сменил повестку дня. Он выбрал так называемую консервативную повестку дня. И эта консервативная повестка дня не дает результатов. Вот, в его понимании, как я понимаю. И он ее постепенно меняет, он и его команда, на реакционную повестку дня. Это не просто игра слов. Это мы видим и по принятию законов, которые он подписывает и инициирует, кстати, и по некоторым его заявлениям очень раздраженным в отношении членов собственной команды: министров, губернаторов, членов своей администрации.

Страна реально управляется несовременно. От этого проблемы накапливаются. Я думаю, что он их видит. Ну, вот, сверху он видит – здесь проблемы, здесь проблемы, здесь трещит. А модернизировать управление в федеральной стране – это передать власть на места. А вот он не сторонник этого.

С. КОРЗУН: Я не случайно спросил. Вопрос у меня возник по поводу дела «Киров-леса» и дела Навального и своеобразной реакции президента, когда он, не называя фамилию, сказал, что, в общем, на самом деле странно, что за это дело присудили такой реальный срок, селигерские эти разговоры президента Путина. Управляет он всеми процессами, либо он все-таки...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это, конечно, очень точно ложится в мою версию. Он типа... я думаю, я не знаю, это моя конструкция. Я думаю, что он понимал, что Навальный получит срок. Я думаю, что он понимал, что судья понимает. Но он думал, что в соответствии с нюхом судья должен понимать, что не должен создавать проблем. А судья оказался куда более понятливый, чем рассчитывал президент, и поэтому – как же так? Я думаю, что реакция была – «Че?! Как это закрыли в зале суда?! Приговор же в силу не вступил по экономическим...». Я думаю, что у него было – «это что такое было?!». То есть на самом деле он тоже страну себе представляет и своих чиновников экзотическими животными на самом деле, зверьками, я бы сказал даже. А они как-то иногда дальше президента прыгают.

Тут же важно что? Проявишь слабость – за это накажут. А проявишь силу в их понимании – тебя только поправят.

С. КОРЗУН: Совсем коротко последний вопрос, который задают слушатели по поводу Доренко на «Эхо». Со следующего понедельника он ведет здесь программу. Предполагают, что вы его позвали мочить Навального.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я хочу сказать, что Доренко я позвал в 2004 году, и когда он уходил, был расстроен, периодически его звал на «Эхо». Выборы закончатся, а Доренко останется. Я имею в виду как журналист. Я вообще шакал. Как вижу – человек на рынке свободный – я его беру и буду тащить. У нас есть журналисты, которые мочат Собянина в «Утренних разворотах». Ну, если Доренко не полюбит Левичева, значит, будет мочить Левичева. Это его авторская программа.

С. КОРЗУН: Алексей Венедиктов в «Особом мнении». Спасибо. До встречи.

2013 г.

«Газпром» проспал сланцевую революцию?

(беседа с Сергеем Куприяновым, пресс-

секретарем председателя правления «Газпрома»)

А. ВЕНЕДИКТОВ: Сегодня у нас в гостях Сергей Куприянов, пресс-секретарь председателя правления «Газпрома». Добрый вечер. Сергей.

С. КУПРИЯНОВ: Добрый вечер.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Обычно у нас с Сергеем такая забава 31 декабря была, да, проводить эфиры то с Украины, то с Беларуси, потому что то там перекрывали, то здесь. Но вот уже два с половиной года, Сергей, вас у нас не было. Это что значит?

С. КУПРИЯНОВ: Значит, хорошо.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Хорошо. Тогда я выполню сначала задание, которое мне поставила наша спортивная служба информации, иначе оторвут мне голову, будете искать другого главного редактора. Переговоры «Зенита» с Аршавиным в какой стадии находятся? Есть ли уже решение?

С. КУПРИЯНОВ: В сами переговоры мы не вмешиваемся. Это дело клуба. Но принципиальное решение, по сути, есть. Такие игроки должны иметь возможность вернуться. Он сейчас имеет возможность выбирать. И нам нужно (я имею в виду клубу) заботиться о трансфере, поэтому я думаю, что с нового сезона может быть в «Зените».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это мы говорили об Аршавине. И второй вопрос. Вопрос об идее Алексея Миллера о создании объединенного чемпионата Россия – Украина, объединенного футбольного чемпионата Россия – Украина. Здесь в какой стадии находятся разговоры, переговоры?

С. КУПРИЯНОВ: Можно сказать, что чемпионат уже начался.

А. ВЕНЕДИКТОВ: То есть?

С. КУПРИЯНОВ: Этим летом проходит турнир, такой турнир четырех заметных клубов Украины и России – «Зенит», «Спартак», «Динамо Киев» и «Шахтер». Можно сказать, что это такая площадка для отработки модели будущего объединенного чемпионата.

А. ВЕНЕДИКТОВ: То есть от этой идеи не отказываемся?

С. КУПРИЯНОВ: Она объективная. Это не то что конъюнктура какая-то – а давайте мы сделаем. Реально это повысит интерес и зрителей, и спонсоров, поэтому в этом направлении только какие-то, как раз наоборот, политические и конъюнктурные соображения могут помешать движению в этом направлении. Это объективно полезно и клубам, и зрителям, и телекомпаниям, которые занимаются вещанием.

А. ВЕНЕДИКТОВ: И последний вопрос в этой зоне, потом уже перейдем к профильной деятельности «Газпрома». Вопрос вот какой. Здесь вас упрекают наши слушатели в том, что на спорт, на стадион, на команду «Газпром» тратит большие деньги, а тарифы растут. Это за счет тарифов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.